

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И БОРИС САВИНКОВ: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ В ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

© 2021 г. А.М. Грачева

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук, Санкт-Петербург,
Россия*

Дата поступления статьи: 10 января 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 07 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-346-379>

Аннотация: В статье раскрыта история взаимоотношений А.М. Ремизова и Б.В. Савинкова с 1901 по 1924 г. Возникшие в период вологодской ссылки их дружеские контакты были временно разорваны борьбой за судьбу невесты Ремизова — Серафимы Довгелло. Во второй половине 1900-х гг. Ремизов выступил в роли мэтра известного революционера и начинающего литератора Савинкова. В 1910-е гг. их общение было прервано. Савинков и Ремизов встретились в 1917 г. в Петрограде. Их разделило неодинаковое отношение к русской революции. Последнее сближение произошло в Париже начала 1920-х гг., когда оба переживали тяжелый период аккомодации к миру русской послереволюционной эмиграции. После смерти Савинкова его образ неоднократно возникал в произведениях Ремизова 1925–1940-х гг. История их взаимоотношений существенно дополняет научные представления о параметрах русской культуры начала XX в. Статья дополнена первой публикацией текстов переписки Ремизова и Савинкова и неизвестных воспоминаний о нем А.М. и С.П. Ремизовых.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, Б.В. Савинков, русская литература Серебряного века.

Информация об авторе: Алла Михайловна Грачева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4708-098X>

E-mail: ichnelat@rambler.ru

Для цитирования: Грачева А.М. Алексей Ремизов и Борис Савинков: история отношений в письмах и воспоминаниях // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 346–379. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-346-379>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 3, 2021

ALEXEY REMIZOV AND BORIS SAVINKOV: A HISTORY OF RELATIONSHIP IN LETTERS AND MEMOIRS

© 2021. Alla M. Gracheva

*Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

Received: January 10, 2021

Approved after reviewing: April 07, 2021

Date of publication: September 25, 2021

Abstract: The article reveals a history of relations between A.M. Remizov and B.V. Savinkov from 1901 to 1924. Their friendly contacts that were established during their Vologda exile were temporarily interrupted by the struggle for the fate of Remizov's bride, Serafima Dovgello. In the second half of the 1900s, Remizov acted as the maitre of the famous revolutionary and novice writer Savinkov. In the 1910s, their communication was interrupted. Savinkov and Remizov met in 1917 in Petrograd. They disagreed in their attitude towards October Revolution. Their last rapprochement took place in Paris in the early 1920s, when both were going through a difficult period of accommodation to the world of the Russian post-revolutionary emigration. After Savinkov's death, his image repeatedly appeared in Remizov's works of the 1925–1940s. The history of their relationship significantly complements the understanding of the parameters of Russian culture at the beginning of the twentieth century. The article is followed up by the first publication of the correspondence between Remizov and Savinkov and obscure memoirs of him by A.M. and S.P. Remizovs.

Keywords: A.M. Remizov, B.V. Savinkov, Russian literature of the Silver Age.

Information about the author: Alla M. Gracheva, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4708-098X>

E-mail: ichnelat@rambler.ru

For citation: Gracheva, A.M. "Alexey Remizov and Boris Savinkov: A History of Relationship in Letters and Memoirs." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 346–379. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-346-379>

История взаимоотношений Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) и Бориса Викторовича Савинкова (1879–1925) примечательна для характеристики эпохи русского Серебряного века как времени парадоксально-логичных переплетений судеб и устремлений людей, одержимых различными по типу, но во многом равными по силе порывами к разрушению старого и созданию нового (общественного строя, морали, искусства etc.).

Хронология основных эпизодов их реальных контактов почти исчерпывающе представлена в ремизовском эссе «Савинков» (1932): «Трижды мне памятли наши встречи <...> В нашу первую встречу в Вологде, когда Ваша воля, еще не выразившаяся, выблискивала сквозь камень Вашего лица, <...> во вторую — петербургскую, перед Вашей поездкой в Севастополь, решавшей, но не решившей Вашу судьбу, когда камень прорезывался не насмешкой, а гневом и беспощадностью, <...> в Париже в последнюю встречу совсем незадолго до Вашего рокового конца, когда мы сидели в нашем пустынном бистро с музыкой» [26, с. 2–3].

Знакомство Ремизова и Савинкова — двух студентов, осужденных за противоправительственную деятельность, — состоялось в 1901 г. в Вологде, где оба отбывали ссылку. По своим экономическим и политическим взглядам А.М. Ремизов принадлежал к марксистам, подвергался судебному преследованию за организацию нелегальных рабочих кружков (см. подробнее: [5, с. 419–447]). В 1901 г. он был переведен из Устьсысольска в Вологду, где принял окончательное решение — отказаться от пути революционера и стать писателем. Б.В. Савинков первоначально был членом ранних социал-демократических организаций «Социалист» и «Социал-демократическая рабочая библиотека» и после их разгрома в январе 1901 г. был сослан в

Вологду. Там он пересмотрел былые убеждения, обратившись к идеологии и методам ведения борьбы с самодержавием революционного народничества, чьим преемником стала партия социалистов-революционеров [10, с. 543]. У него начала кристаллизоваться идея и собственного участия, и привлечения других к практике политического террора. При этом Б.В. Савинков также мечтал о литературной карьере, но, в отличие от А.М. Ремизова, он видел возможность соединения революционной борьбы и труда литератора. В Вологде, пользуясь советами своего товарища — ссыльного студента-филолога П.Е. Щеголева, они читали и творчески воспринимали произведения европейских и русских представителей «нового искусства» (М. Метерлинка, Г. Гауптмана, К. Тетмайера, В. Брюсова, К. Бальмонта etc.). И прежде всего оба литературных неопита находились под сильным стилевым влиянием прозы популярного тогда в России польского писателя-символиста Ст. Пшибышевского. Савинков и Ремизов вместе стали делать попытки опубликовать свои творения. Более решительный в этом плане Б.В. Савинков послал свои и ремизовские опусы авторитетному в революционных кругах писателю, главному редактору журнала «Русское богатство» В.Г. Короленко. В письме Ремизову от 4 сентября 1902 г. мэтр сообщал, что он по эстетическим причинам отклонил ремизовский рассказ «Бebка», «присланный мне Вашим товарищем Б. Савинковым»¹. Однако будущий глава Боевой организации не смирился с неудачей. В том же 1902 г. он послал собственные и ремизовские произведения другому признанному революционной аудиторией литератору — М. Горькому [4, с. 41–52]. Позднее А.М. Ремизов вспоминал: «В Вологду по “конспиративным” делам приехала Лидия Осиповна Цедербаум (Дан) <...>. Я познакомился с ней у Савинкова. Она и была проводником меня и Савинкова в литературное святилище. <...> Из Вологды она поедет к Горькому в Арзамас: Савинков дал ей свой варшавский, очень похожий на Тетмайера и сатирическое: “о чёрте” под Горького, и мою “декадентскую” Эпиталаму и мой рассказ “Бebка”, кое-что Савинков исправил — “шероховатости” моего слога, о чем я узнаю потом. <...> Савинков не сомневался в успехе. <...> “Где и когда появятся наши рассказы?” Только об этом и говорилось. <...> Савинков написал новый рассказ из варшавской жизни, а из моего Щеголев выбрал мой тюрем-

¹ Короленко В.Г. Письмо Ремизову А.М. 4 сентября 1902 г. // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 8.

ный свиток “В плену”. И наконец-то из Арзамаса письмо: отзыв Горького. Письмо было на имя Савинкова <...>. Письмо без обращения², но, как видно из содержания, нам обоим. Горький советовал нам заняться каким угодно ремеслом, только не литературой: “литераторство, писал Горький, дело трудное и ответственное и не всякому по плечу”. Были слова, относящиеся к одному Савинкову: “а ваш чертик неумный”. “А его черт умен?” — сказал Савинков...» [29, с. 453–454]. В итоге первые произведения обоих начинающих писателей: рассказ Б.В. Савинкова «Ночь» [15] и «Эпиталама (Плач девушки перед замужеством)» Ремизова [20] были опубликованы в газете «Курьер». Уже в Вологде Б.В. Савинков стал подбирать кадры для антиправительственной террористической организации. Одним из ее членов должна была стать ремизовская невеста — ссыльная выпускница Бестужевских курсов, участница революционного кружка эсеровского толка Серафима Довгелло. Начиная с ноября 1902 г. из-за борьбы за ее дальнейшую судьбу А.М. Ремизову пришлось вступить в острый конфликт с товарищами по ссылке и, прежде всего, с их лидером — Б.В. Савинковым [30, с. 155–156; 22, с. 125–126, 165–166]. Много лет спустя друг и помощница Ремизова Н.В. Резникова вспоминала: «А.М. рассказывал <...> Савинков <...> звал с собою С.П. для продолжения революционной деятельности. Она колебалась. Савинков уехал. Было условлено, что С.П. пошлет ему телеграмму о своем решении. В случае если она будет готова ехать, она пошлет телеграмму: “Скот продан”. В случае если она откладывает свой приезд: “Скот дорог”. С.П. поручила А.М. отправить именно такую телеграмму. А.М. самовольно и решительно протелеграфировал: “Скот не продается”. Действительно, С.П. отошла от революционной деятельности» [25, с. 131]. В июне 1903 г. Б.В. Савинков бежал из ссылки в Женеву, где вступил в существовавшую при ЦК партии эсеров «Боевую организацию» и вскоре стал заместителем ее руководителя — Е.Ф. Азефа. 30 мая (июня) 1903 г. в связи с окончанием срока ссылки покинул Вологду и автор «Бибки». Для него это было началом пути писателя.

Указанием, маркирующим время второй личной встречи Ремизова и Савинкова, является упоминание Севастополя. Согласно тексту документально-публицистической книги Б.В. Савинкова «Воспоминания тер-

2 Письмо М. Горького не сохранилось.

рориста», находящийся на нелегальном положении революционер прибыл в этот город 12 мая 1906 г. До этого он с марта того же года находился в Гельсингфорсе, периодически приезжая в Петербург, так что вторая встреча бывших вологодских товарищей состоялась, вероятно, в марте–апреле 1906 г. В начале этого года Савинков переслал Ремизову рукопись своих стихотворений в прозе («Жемчужина», «Тоска», «Отчаяние», «Скука», «Кровь», «Смерть») для их публикации в издании, печатавшем произведения «нового искусства». А.М. Ремизов аккуратно переписал данные ему тексты, возможно, внес в них какую-то свою стилистическую правку и послал их фактическому руководителю литературной редакции журнала «Золотое Руно» Сергею Кречетову (С.А. Соколову). Сохранился помеченный инициалами автора («Б.С.») комплекс этих стихотворений, переписанных А.М. Ремизовым³. На обложке рукописи (Л. 1) имеется техническая редакторская помета красным карандашом — «В<ернуть> — Ремизову». Отказ редакции подтверждает и письмо Сергея Кречетова к Ремизову от 13 февраля 1906 г.: «Стихи Бориса С<авинкова> возвращаю, — они не пойдут»⁴. На том же первом листе рукописи стихотворений в прозе имеются и более поздние технические пометы синим карандашом: «№ 11, 12, 13» (в дальнейшем зачеркнуто простым карандашом и исправлено на «№ 26») и «Лев Пушин». Последние имя и фамилия являются одним из псевдонимов З.Н. Гиппиус. Эти пометы относятся к более позднему этапу истории рукописи, когда в ее судьбе участвовали уже другие литературные помощники Б.В. Савинкова. После неудачи с попыткой публикации стихов в журнале «Золотое Руно» писатель сумел вернуть рукопись автору.

Основываясь на лапидарном тексте А.М. Ремизова («камень прорезывался не насмешкой, а гневом и беспощадностью» [26, с. 2]), можно только предполагать, что темы разговора, состоявшегося весной 1906 г., были не только литературными, но и политическими. В Севастополь Б.В. Савинков поехал для подготовки теракта — ликвидации главнокомандующего Черноморским флотом адмирала Г.П. Чухнина, жестоко подавившего восстание на крейсере «Очаков». После произошедшего 14 мая неудачного покушения

3 Б.С. [Савинков Б.В.]. «Жемчужина», «Тоска», «Отчаяние», «Скука», «Кровь», «Смерть». Автограф рукой А.М. Ремизова. «1906. I–III» // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 240. 9 л.

4 Кречетов Сергей [Соколов С.А.] Письмо А.М. Ремизову. 13 февр. 1906 г. // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 3.

Б.В. Савинков был в тот же день арестован, но 16 июня сумел бежать из тюрьмы (главной крепостной гауптвахты), морем перебрался в Румынию, потом через Венгрию и Швейцарию попал в Германию, затем — в Финляндию и, наконец, — во Францию.

В «Воспоминаниях террориста» Б.В. Савинков писал: «До июня 1908 года я прожил в Париже, вдали от всех террористических предприятий» [33, с. 254]. Именно к этому времени, с декабря 1907 по апрель 1908 г., относится основной комплекс посвященной литературной проблематике переписки Ремизова и Савинкова. В этот момент краткой «паузы» в революционной работе ремизовский товарищ по вологодской ссылке вновь занялся писательским трудом. Кроме создания документально-публицистических очерков о громких делах Боевой организации и об ушедших товарищах по партии [1, с. 433], Б.В. Савинков обратился к художественной прозе. За годы, прошедшие со времени публикации их первых опытов, А.М. Ремизов сумел освободиться от стилевого влияния декадентской литературы рубежа веков. Б.В. Савинков же как беллетрист, в силу объективных причин, «отвлекавших» его от писательского стола, во многом еще оставался под воздействием прозы Ст. Пшибышевского и подражавших ей произведений Ремизова начала 1900-х гг.

Основная тема их переписки этого времени — «обучение» одного из лидеров Боевой организации литературному мастерству у давнего товарища, к советам которого Б.В. Савинков внимательно прислушивался. Он прислал А.М. Ремизову рукописи своих неопубликованных рассказов «Ночлег», «Из записок», «Requiem»⁵. Литератор критически проанализировал полученные тексты и дал Б.В. Савинкову советы по работе над стилем, отмечая необходимость отхода от импрессионистски-экспрессивной манеры Ст. Пшибышевского, столь характерной и для ранней прозы самого «учителя». Так 7/20 декабря 1907 г. он писал: «Надо одно: позволить и не стеснять себя, описывая происшествие со всей легкостью и просто <той> Вашей разговорной речи, пользуясь европеизированным русским словарем. <...> Русских одолела психология и настроение. <...> Само собой, от психологии не уйдешь, но не надо ею заполнять все. Смотрю в лицо своим грехам и пишу Вам, потому что ясно вижу их, и мне по ним легко рассказывать.

5 Б.л. [Савинков Б.В.]: 1) «Ночлег». Б.д. // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 242. 6 л.; 2) «Из записок». Б.д. // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 241. 10 л.; 3) «Requiem». Б.д. // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 243. 6 л.

Если бы начать сызнова жить, я писал бы многое по-иному». В это же самое время в Париже литературным «обучением» Б.В. Савинкова занималась и З.Н. Гиппиус (подробнее: [11, с. 102–115]). Примечательно, что она указывала Борису Викторовичу на те же недостатки его прозы, что и А.М. Ремизов. Позднее З.Н. Гиппиус, говоря об опубликованных тогда Б.В. Савинковым отдельных текстах мемуарного характера, отмечала следующее: «Факты, приводимые в “воспоминаниях” — потрясающи. А как это было написано! Не то, что неумело, пусть бы! Но с оскорбительным, для фактов, и для памяти этого человека, безвкусием, с пошлой претенциозностью, с подражанием — неизвестно кому, Пшибышевскому, что ли. Я, <...> превратившись в литературного критика, всю правду автору серьезно высказала. Он также серьезно меня выслушал, без всякой обиды, — что меня даже удивило <...>. Суть моей критики была такая: “если хотите писать — пишите *проще*, до последней возможности просто, думая лишь о том, *что* вы хотите сказать, а не *как* вы это скажете”» [18, с. 177–178]. Что касается А.М. Ремизова, то он так же, как и ранее, вернул Б.В. Савинкову присланные ему три рассказа, которые в дальнейшем в Париже стилистически правились и сокращались З.Н. Гиппиус и Д.В. Философовым. В объединенном архиве З.Н., Д.С. Мережковских и Д.В. Философова (РНБ. Ф. 481) сохранилась имеющая следы их правки савинковская рукопись⁶ новой редакции рассказов «Ночлег» и «Из записок», составивших опубликованный в дальнейшем цикл «Внутри круга» [17, с. 125–129]. Первый из рассказов был теперь озаглавлен: «Старички». Второй был разделен на два автономных текста, получивших названия: «Они приходят...» и «Да или нет?». Под текстом стояла подпись рукой неустановленного лица (З.Н. Гиппиус?): «Лев Пуцин», которая была зачеркнута и заменена на «В. Ропшин». Наличие в двух сохранившихся рукописях Б.В. Савинкова зачеркнутого псевдонима «Лев Пуцин» позволяет говорить о промежуточных этапах появления его псевдонима «В. Ропшин», «подаренного» начинающему беллетристу З.Н. Гиппиус.

В это время точкой соприкосновения и взаимного притяжения Ремизова и Савинкова было и настоящее, и память о прошлом. В конце 1907 г. в журнале «Русское богатство» был опубликован основанный на документальных обстоятельствах рассказ «На главной гауптвахте» [14, с. 1–18], ав-

6 В. Ропшин [Лев Пуцин]. «Внутри круга» // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 239. 23 л.

тор которого был обозначен как «Борис С.». А вышедший в начале 1908 г. роман А.М. Ремизова «Часы», во многом основанный на воспоминаниях писателя о Вологде и ее атмосфере, имел посвящение: «Борису С.», о чем автор сообщал его адресату — Б.В. Савинкову в письме от 1/14 марта 1908 г.: «Вы меня простите за мое самовольное посвящение Вам “Часов”, которые скоро выйдут и будут у Вас. Надписываю имя Ваше и инициалы фамилии, как Вы сами подписываетесь». Такое посвящение было не только данью вологодским воспоминаниям, но и скрытым выражением поддержки действующему революционеру Б.В. Савинкову. Возможно, именно оно вызвало первоначальное цензурное запрещение издания по статье 128 Уголовного уложения о наказаниях, касающейся, в частности, произведений противоправительственной направленности. В свою очередь, Б.В. Савинков сообщал А.М. Ремизову о своей работе над повестью (романом) «Конь бледный» и об участии в ее редактировании З.Н. Гиппиус.

Переписка Ремизова и Савинкова прекратилась в апреле 1908 г. в связи с переходом последнего от труда писателя к работе революционера. Б.В. Савинков принял участие в подготовке неудавшегося покушения на императора Николая Второго, покушения, намеченного на время прихода в русский порт построенного в Шотландии крейсера «Рюрик».

В дальнейшем как личные, так и эпистолярные контакты Ремизова и Савинкова были прерваны почти на десять лет. Однако об их сохраняющемся уважительном отношении друг к другу можно судить по следующему эпизоду. В 1912–1913 гг. в журнале «Заветы» был опубликован неоднозначно встреченный эсеровскими партийными кругами роман В. Ропшина <Б. Савинкова> «То, чего не было». Окончание его публикации в журнале сопровождалось статьей Р.В. Иванова-Разумника «Литература и общественность. Было или не было? (О романе В. Ропшина)» [2, с. 134–149]. В ней критик, в частности, упрекнул автора романа в «заимствовании» сюжетного мотива из текста рассказа А.М. Ремизова «Без пяти минут барин» (1906). Б.В. Савинков был оскорблен намеком Иванова-Разумника на плагиат. Он счел его несоответствующим действительности и откликнулся протестными посланиями, адресованными критику и редакторам журнала В.М. Чернову и В.С. Миролюбову [2, с. 72–78]. Ситуация с «совпадением» была наиболее четко изложена в письме Б.В. Савинкова редактору журнала И.И. Краевскому от 13 июня 1913 г.: «г. Иванов-Разумник, как член редак-

ции, был обязан знать то, что знали его товарищи и чего не знают читатели. В.С. Миролюбову и В.М. Чернову было известно, что о “заимствовании” в точном смысле этого слова не может быть речи: рассказ “Без пяти минут барин” записан Ремизовым в бытность мою с ним в Вологде в 1902 г. с моих слов. Уже одно это обстоятельство должно было удержать добросовестного критика от обвинения в “заимствовании”. Но, чтобы быть корректным по отношению к Ремизову, я, с одобрения редакции (В.С. Миролюбова и В.М. Чернова) переделал первоначальный текст III-ей главы. В переделанном печатном тексте редакция не усмотрела никакого сходства с Ремизовским рассказом» [16, с. 79–80]. Отметим, что в процессе развития этого инцидента Б.В. Савинков никоим образом не вовлекал в него А.М. Ремизова, который, в свою очередь, также никак не отреагировал на эту, очевидно, известную ему ситуацию.

Следующий раз Савинков и Ремизов лично встретились только в 1917 г. после Февральской революции, когда революционер-эмигрант смог вернуться в Россию и энергично включился в новую политическую реальность. Их немногочисленные контакты 1917 г. зафиксированы А.М. Ремизовым в Дневнике 1917–1921 гг. Судя по этим кратким записям, за прошедшие годы Савинков и Ремизов отдалились друг от друга. Для Алексея Михайловича его былой товарищ стал во многом фигурой из прошлого, которое он теперь оценивал в контексте своей историософской концепции, включавшей в себя негативное отношение к революции как к действию, влекущему отход России от пути ее органического развития. Запись от 30 апреля 1917 г.: «Был Б.В. Савинков. Как постарел!» [28, с. 435]. Запись от 3 сентября 1917 г.: «Теперь стало ясно: Россия погибнет. <...> Б. Савинков роковой человек и к гибели нашей он положил свою руку» [28, с. 475–476]. И, наконец, запись от 14 сентября того же года: «Сегодня говорил с Борисом Викторовичем уж больно по-солдатски отвечает. Хочу про него написать воспоминания» [28, с. 479]. Отметим, что впоследствии эти встречи 1917 г. никак не были, хотя бы номинативно, упомянуты в ремизовском «перечне» его значимых встреч с Б.В. Савинковым.

Последний этап их личного общения относился ко времени, когда оба оказались в парижской эмиграции. Революционные годы были тяжело, хотя и по-разному, пережиты обоими старыми товарищами. В начале 1920-х гг. в Париже Б.В. Савинков был подвергнут осуждению и остракизму

со стороны части эмиграции за неоднозначные действия при Временном правительстве; за методы борьбы с Советской властью и, в частности, за его обращение за поддержкой к различным антироссийским иностранным политическим силам. В первые годы жизни в Париже непросто было и положение А.М. Ремизова, которого некоторые обвиняли в связях и «заигрывании» с большевиками. В этой, во многом неблагоприятной для них обоих атмосфере русского Парижа, произошел новый поворот в отношениях между давними знакомыми. Их контакты стали теснее и теплее, о чем свидетельствуют немногие сохранившиеся записки 1924 г., написанные накануне возвращения Б.В. Савинкова в Россию и последовавших затем его ареста, суда и гибели.

А.М. Ремизов и его супруга внимательно следили за публиковавшимися в эмигрантской прессе материалами судебного процесса и сообщениями о «конце» Б.В. Савинкова. Это подтверждается сохранившимся в архиве писателя альбоме вырезок под общим заглавием «Савинков»⁷.

После смерти знаменитого террориста в 1925 г. он стал одним из героев ремизовского творчества.

Первым откликом писателя на гибель старого товарища был написанный и опубликованный в 1925 г. текст под заглавием «Савинков» [27], относящийся к жанру ремизовских художественных «снов». В этом фантазмагорическом иносказании была представлена история тайного возвращения Б.В. Савинкова в Россию и поставлена дискуссионная тогда и не решенная до сих пор дилемма: покончил ли он жизнь самоубийством, выбросившись из окна тюрьмы на Лубянке (официальная версия смерти) или был убит (расстрелян?) чекистами. Имевший реальный «открытый финал» сюжет о смерти бывшего главы Боевой организации метафорически изложен при помощи разделения образа героя на два субстантивированных образа: собственно «Савинкова», которого предлагали расстрелять, и его двойника — автора-повествователя («я»), который в итоге выбрасывался из окна. Поскольку в конце сновидения к окну направлялся только один из двойников («я»), а другой был полон решимости — еще побороться за свою жизнь, то благодаря использованию такого «художественного жеста» во-

7 «Савинков». <Альбом вырезок газетных публикаций 1924–1925 гг.>. <Собрано в альбом: 5 июня 1948 г.> / Amherst College Center for Russian Culture (USA). “Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers”. Box. 18. F. 6.

прос о насильственном или добровольном конце Б.В. Савинкова оставался открытым.

В 1932 г. было напечатано ремизовское эссе «Савинков». В этом произведении мемуарно-художественного жанра были обозначены основные этапы их взаимоотношений и одновременно было представлено ремизовское осмысление Б.В. Савинкова как личности, политического деятеля и писателя.

Позднее данное эссе стало семантической, а во многом и текстуальной основой для дальнейших отражений образа Б.В. Савинкова в прозе писателя. Для создания текста имел значение тот факт, что в 1932 г. А.М. Ремизов получил из СССР два тома последнего перевода романа М. де Сервантеса Сааведры «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» [34]. Новая встреча писателя с произведением испанского классика повлекла за собой его дальнейшие «эстетические отголоски» в творчестве А.М. Ремизова. В ремизовской прозе этого времени был использован ряд художественных приемов Сервантеса в области создания романного жанра; появились как прямые, так и скрытые цитаты из «Дон Кихота» и аллюзии на тех или иных его персонажей [3, с. 140–151]. Особое отражение в произведениях А.М. Ремизова получил образ рыцаря Печального Образа. Для писателя бесконечное странствование Дон Кихота, одержимого фантастическими идеями и, по сути, ставшего их «заложником», приобрело значение мифологемы судьбы русской эмиграции — тысяч рассеянных по миру «беженцев». Созданный Сервантесом «вечный образ» стал «ключевым» и для художественного осмысления А.М. Ремизовым судьбы Б.В. Савинкова. В первой же фразе эссе 1932 г., созданного под свежим впечатлением от прочтения нового перевода испанского романа, деяния вечного борца с тиранами Б.В. Савинкова завуалированно были сопоставлены с безумными агрессивными фантазиями странствующего рыцаря. «Ему нужно было завоевать по крайней мере Африку и подняться в стратосферу, чтобы начать завоевывать Азию и лететь еще выше, и чтобы <...> за ним, въезжающим на коне, вели тиранов» [26, с. 2]. Скрытое сопоставление проясняет текст созданной в то же время главы «Ы» романа «Учитель музыки», где дана уже прямая аллюзия на образ Дон Кихота: «Савинков — “рыцарь львов”» [32, с. 346]. В 1940-е гг., при включении незначительно переработанного текста эссе 1932 г. в состав книги «Иверень», А.М. Ремизов добавил к старому

заглавию («Савинков») подзаголовок: “Le tueur de lions” (фр.: Истребитель львов). С помощью этих маркеров писатель отсылал читателя к эпизоду из второй книги романа Сервантеса. Дон Кихот встречал на дороге повозку с перевозимыми африканскими львами и заставлял ее владельца открыть клетку, чтобы сразиться со зверем. Когда же тот отказывался выйти из узилища на свободу и реального сражения не происходило, то Дон Кихот с безумием фанатика все равно утверждал, что он победил льва: «Если его величество случайно спросит, кто совершил этот подвиг, то скажите ему: *Рыцарь Львов*, ибо отныне я желаю, чтобы название *рыцарь Печального Образа* <...> было <...> переправлено на это новое прозвище» [34, кн. 2, с. 207]. Аллюзия на вечный образ безумного рыцаря и на его фактически фиктивный подвиг была нужна А.М. Ремизову для того, чтобы показать ложность и умозрительность главной идеи Б.В. Савинкова, которой тот был одержим в течение всей жизни, — победы над злом с помощью насилия (террора и — более широко — революции). Безальтернативное следование этой догме и обусловило, по мысли А.М. Ремизова, конечную безысходность жизненного пути террориста. «Невозможно себе представить Савинкова в какой-нибудь другой роли, как только уничтожающего тиранов, чтобы, уничтожив последнего, самому объявить себя тираном» [26, с. 2]. Второй мифологической проекцией, под углом которой А.М. Ремизов рассматривал судьбу Б.В. Савинкова, было совершение мистериального действия в античной трагедии, когда герой умирал и через смерть проходит ритуал очищения. В таком контексте писатель трактовал перипетии последних этапов жизни борца с тиранами: «Савинков в Москве творил последний суд над собой. <...> В Париже в последнюю встречу <...> я ничего не знал, что вы едете на свой суд, я только чувствовал, что в вашей судьбе настало и идет решающее» [26, с. 2–3]. Таким образом, в ремизовском эссе была дана точная и психологическая, и историософская оценка судьбы старого товарища.

После корреспондирующего с образом Дон Кихота упоминания имени Савинкова в текстах большой прозаической формы «Учитель музыки» и «Иверень», А.М. Ремизов посвятил ему целый раздел в своем монументальном произведении экспериментального жанра — коллаже-мемориале «С<ерафима> П<авловна> Р<емизова>-Д<овгелло>», созданном в 1940-е гг. в память об умершей жене. Это художественно-документальное произведение состоит из смонтированных в единое целое материалов личного архива

С.П. Ремизовой-Довгелло (писем ее и к ней, ее воспоминаний, дневников, деловых документов etc.), обстоятельно прокомментированных и дополненных Ремизовым. Раздел «Б.В. Савинков» включает в себя переписанные и откомментированные писателем воспоминания С.П. Ремизовой-Довгелло 1925 г., а также итоговый развернутый очерк-комментарий Ремизова, в состав которого включен текст последнего послания Савинкова писателю, оригинал которого ныне не обнаружен.

В итоге можно сделать вывод о том, что на протяжении 23 лет, в течение которых длились человеческие контакты А.М. Ремизова и Б.В. Савинкова, их отношения прошли через разные этапы. Вологодский период был временем наиболее близкого и продолжительного личного общения, когда альянс двух будущих писателей был временно разорван борьбой за дальнейшую судьбу Серафимы Довгелло. Во второй половине 1900-х гг. поводом для их нового сближения стала литература, при этом писатель А.М. Ремизов выступил в роли мэтра начинающего литератора «Б.С.», будущего «В. Ропшина». В 1910-е гг. и до 1917 г. общение было прервано. В годы революции в Петрограде встретившихся Савинкова и Ремизова разделило неодинаковое отношение к совершающемуся в России революционному деянию. Их последнее сближение произошло в Париже начала 1920-х гг., когда они оба переживали тяжелый период аккомодации к миру русской послереволюционной эмиграции. После смерти Б.В. Савинкова он не раз «воскресал» на страницах книг А.М. Ремизова, который видел в старом вологодском товарище яркую составную часть той разрушительной силы, которая привела к превращению России во взвихренную Русь.

В Приложении к статье публикуются:

I. Письма Б.В. Савинкова — А.М. Ремизову. 1907–1908 гг. Автограф. — РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 1–3. Письмо-открытка Б.В. Савинкова — А.М. Ремизову. 13 июня 1924 г. Автограф (копия рукой Ремизова). — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 75. Письма А.М. Ремизова — Б.В. Савинкову. 1907–1908, 1924 гг. Автограф. — ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Ед. хр. 171. 8 л.

II. А.М. Ремизов. «Савинков». Раздел коллажа-мемориала «С<ерафима> П<авловна> Р<емизова>-Д<овгелло>». Автограф. — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 71–76.

Архивные документы публикуются с сохранением особенностей авторского текста (многоточия, тире, запятые), намеренного использования

устаревшего правописания и прописных букв. В тех случаях, когда пунктуационные знаки не несут грамматической или интонационной нагрузки, текст приведен к современным нормам. Пропущенные слова и сокращения восстановлены в угловых скобках. Документы первого и второго отделов *Приложения* отличаются правилом использования курсива и квадратных скобок. В *Переписке* Ремизова и Савинкова в квадратных скобках переданы слова, зачеркнутые автором. В угловых скобках курсивом — слова комментатора. Раздел «*Савинков*» входит в состав большого текста монтажного типа — коллажа-мемориала «С<ерафима> П<авловна> Р<емизова>-Д<овгелло>», в котором документальные тексты С.П. Ремизовой и третьих лиц сопровождаются комментариями А.М. Ремизова, которые автор дает в квадратных скобках. В настоящее время произведение готовится к изданию в Собрании сочинений А.М. Ремизова. Согласно выработанным публикаторами правилам сохранены авторские квадратные скобки Ремизова. В данном случае семантика этого типа скобок не совпадает с их стандартным значением в современной эдиционной практике. В произведении «С<ерафима> П<авловна> Р<емизова>-Д<овгелло>» тексты С.П. Ремизовой-Довгелло и других лиц даны прямым шрифтом, комментарии и воспоминания Ремизова, зачастую инкорпорируемые в «чужие» тексты, печатаются курсивом.

Приложение

I.

Переписка А.М. Ремизова и Б.В. Савинкова (1907–1924)

I.

Б.В. Савинков — А.М. Ремизову

4/17–XII–07

6/19 1907¹

Дорогой друг

Алексей Михайлович

Ежели Вам не очень трудно, то:

1) Подпишитесь для меня на «Весы»² 1908 г.

2) Если останутся деньги, вышлите:

X³ а) Бенуа «Франциско Гойа»⁴

изд<ание> «Шиповника» ц<ена> 2 рубля

в) «Обри Бердслей»⁵

изд<ание> «Шиповника» ц<ена> 1 р<убль> 50 к<опеек>

с) Бальмонт «Птицы в воздухе»⁶

изд<ание> «Шиповника» ц<ена> 2 руб<ля>

X I д) «Театр»⁷

изд<ание> «Шиповника» ц<ена> 2 руб<ля>

I е) Ваши сочинения и «Ор»⁸ издания.

Напишите, прошу Вас, Ваш подробный отзыв о моих якобы писаниях. Мне Ваше мнение ценно. Скажите также, стоит ли вообще писать дальше или лучше бросить искушать Господа Бога. Если выругаетесь, — благодарю.

Вот поручение.

Рад, что не забыли. Я Вас всегда люблю и помню. «Лимонарь»⁹ читал с радостью, в подлиннике бы прочел Апокрифы, кабы были. Мечтаю иногда о «Четьи-Минеях»¹⁰, да где уж мне...

Слышал, что Вы крупно шагаты стали.

Дай Вам Бог...

Надеюсь на Вашу примерную точность. Ответа жду с нетерпением.

Привет С<ерафиме> П<авловне>

Ваш всегда

Бор<ис>¹¹

1 Помета Ремизова — дата получения письма.

2 «*Весы*» (Москва, 1904–1909) — научно-литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал. Ред.-изд. — С.А. Поляков.

3 Здесь и далее в письме знаки X и I — пометы Ремизова, вероятно, о выполнении заказа Савинкова. Знак X — карандашом. Знак I — чернилами.

4 *Александр Бенуа*. Франсиско Гойя. СПб.: Шиповник, 1908. 62 +VI с.+ ил. Информацию о новом издании см.: Каталог издательства «Шиповник». СПб., [1907]. С. VIII.

5 Бердслей. [Рисунки]. СПб.: Шиповник, 1906. 62, [1] л. ил. и текста. Информацию о новом издании см.: Каталог издательства «Шиповник». СПб., [1907]. С. IX.

6 *Бальмонт К.Д.* Птицы в воздухе. Строки напевные. СПб.: Шиповник, 1908. 228+V с.

7 Театр. Книга о новом театре. Сб. статей А. Луначарского, Е. Аничкова, А. Горнфельда, Александра Бенуа, Вс. Мейерхольда, Федора Сологуба, Георгия Чулкова, С. Рафаловича, Валерия Брюсова и Андрея Белого. СПб.: Шиповник, 1908. 289 с. Информацию о новом издании см.: Каталог издательства «Шиповник». СПб., [1907]. С. IX.

8 «*Оры*» (СПб., 1907–1912) — издательство, руководимое поэтом и теоретиком символизма В.И. Ивановым. См. подробнее: *Богомолов Н.А.* Печать русского символизма. Учебное пособие. М.: Факультет журналистики МГУ, 2020. С. 28–29.

9 *Алексей Ремизов*. Лимонарь, сиреч: Луг духовный. СПб.: Оры, 1907. 136 с.

10 *Четьи-Минеи* — в православии предназначенный для домашнего или келейного чтения свод сборников из 12 книг, составляющий годовой «круг чтения» на каждый день, включал в себя тексты житий, патериков, дидактических слов и поучений, сказаний, а также некоторых апокрифов. В XVIII – начале XX в. свод многократно переиздавался, как душеполезное чтение. См., например: *Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского с дополнением из Пролога*. Кн. 1–12. М., 1902–1911.

11 Подпись-росчерк.

2.

А.М. Ремизов — Б.В. Савинкову

СПб. 7/20 XII <1907>   на письмо 4/7 XII
получено 6/19 XII

Дорогой друг!

Не написал вчера, потому что письмо получил на пороге. Книги все, какие выписаны, будут без замедления высланы, на «*Весы*» подпишусь. И впредь все, что понадобится, исполню с радостью. На всех жизненных путях вспоми<на>л Вас и вспоминаю с верой и любовью.

Относительно Ваших рассказов, жду от Вас разрешения передать их в «*Рус<скую> Мысль*»¹, где они могут быть напечатаны.

Я никогда не скажу, чтобы Вам не надо было писать, надо одно: позволить и не стеснять себя, описывая происшествие со всей легкостью и просто<то>й Вашей разговорной речи, пользуясь европеизированным русским словарем. И писать рассказы.

У Вас столько «приключений». А в рассказе это, ведь, первое: что дальше будет.

Ясно, просто и занимательно, — вот, по моему мнению, что надо от рассказа, и что Вы можете. Русских одолела психология и настроение. То новое, что пошло от Кузмина², начинает другую полосу. Психология и настроение подсказывались часто бедностью внешних переживаний.

А Вам пожаловаться нельзя.

Само собой, от психологии не уйдешь, но не надо ею заполнять все. Смотрю в лицо своим грехам и пишу Вам, потому что ясно вижу их, и мне по ним легко рассказывать. Если бы начать сызнова жить, я писал бы многое по-иному³.

«Ночлег»⁴ — Вот, наконец, и ночлег...

Ставите многоточие, а вместо них рассказ<ать> следовало бы, почему ночлег понадобился, кому он понадобился. В рассказе прежде всего фабула, развитие ее, — повторяю, у Вас все есть. Настроение, которое хотите вызвать повторениями, ритмичностью и звукоподражанием (шлёп — шлёп...) не достигают цели. Я Вас представляю с Вашим бесстрашным лицом и с Вашей беспощадной улыбкой рассказывающего [ровным] таким же стальным, как Ваша душа, стилем самые рискованные приключения.

«Requiem»⁵ и «Из записок»⁶, — это не Ваше, нет души; все сделано, чтобы была душа, а выходит подделка. Это не Вы рассказываете, так может рассказывать только узнавший по слухам повести жизней.

На этом кончаю — пока.

Относительно «Четьи-Миней» справлюсь, их можно недорого достать в новом синодальном издании.

Книги на неделе вышлю. Сейчас вернулись из театра, — театр почти пустой. Вот почему и книги пришлю на неделе, взял уж из данных. В<е-ре> Г<лебовне>⁷ С<ерафима> П<авловна>⁸ кланяется. Мечтаем приехать к Вам.

А. Ремизов

---

¹ «Русская мысль» (М., с октября 1912 — М., СПб.; 1880–1918) — ежемесячный литературно-политический журнал либерального направления, орган кадетской партии, ред.-изд.: П.Б. Струве и А.А. Кизеветтер (с 1907). Предложение А.М. Ремизова о посылке рассказов «Ночлег», «Из записок» и «Requiem» в редакцию «Русской мысли» было отклонено автором (см. в настоящей публикации письмо Б.В. Савинкова от 30 декабря 1907 г.), и их тексты были ему возвращены. В дальнейшем

рукопись была передана Савинковым З.Н. Гиппиус, и тема их потенциальной публикации в журнале «Русская мысль» была затронута в письме к нему З.Н. Гиппиус (Париж, зима 1908 г.): «Я все ждала Вашего приезда, чтобы послать Вам рукописи с обстоятельным письмом (я их давно просмотрела). <...> P.S. Струве я уже написала, что мы на днях посылаем ему рукописи, кот<орые> нам покажутся очень интересными» [24, с. 93]. См. также ее письмо Б.В. Савинкову (Париж, зима 1908 г.): «О Ваших рассказах до сих пор нет от Струве никаких известий. Да ведь по этой части, оказывается, не Струве, а несчастный Айхенвальд» [24, с. 94]. В итоге в журнале «Русская мысль» была опубликована только повесть (роман) В. Ропшина [Б.В. Савинкова] «Конь бледный» (Русская мысль. 1909. № 1. С. 1–77).

2 Ремизов отметил отражение в прозе М.А. Кузмина его эстетической позиции, оппозиционно противопоставленной символистской литературе. См. credo писателя в статье «О прекрасной ясности» (1909): «Есть художники, несущие людям хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие — дающие миру свою стройность. <...> Необходимо, кроме непосредственного таланта, знание своего матерьяла и формы, и соответствия между нею и содержанием. Рассказ, по своей форме, не просит и даже не особенно допускает содержания исключительно лирического, без того, чтобы что-нибудь рассказывалось (конечно, не рассказ о чувстве, о впечатлении)» (Аполлон. 1910. № 4. С. 5, 7).

3 Вместо подчеркнутых слов было: «написал бы "Пруд" по-иному».

4 См.: Б.С. [Борис Савинков]. «Ночлег». Автограф. Б.д. (РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 242. 6 л.).

В переработанном виде включен в цикл «Внутри круга» под заглавием «Старички» (см.: <Савинков Б.В.>. «Старички». — В цикле «Внутри круга». Автограф с правкой В.Д. Философова. Б.д. // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 239. Л. 2–6; опубли.: В. Ропшин [Савинков Б.В.]. «I. Старички», в составе цикла «Внутри круга» // Русское богатство. 1909. № 7. С. 125–127.

5 См.: Б.С. [Борис Савинков]. «Requiem». Автограф. Б.д. (РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 243. 6 л.).

В значительно переработанном виде вошел в цикл «Внутри круга» под заглавием «Да или нет?» (см.: <Савинков Б.В.>. «Да или нет?» — В цикле «Внутри круга». Автограф с правкой В. Д. Философова. Б.д. // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 239. Л. 13–23). В итоге рассказ не был включен в сокращенную публикацию цикла в ж. «Русское богатство».

6 См.: Б.С. [Борис Савинков]. «Из записок». Автограф. Б.д. (РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 241. 10 л.).

В переработанном виде включен в цикл «Внутри круга» под заглавием «Они приходят...» (см.: <Савинков Б.В.>. «Они приходят». — В цикле «Внутри круга». Автограф с правкой В.Д. Философова. Б.д. // РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 239. Л. 7–12; опубли.: В. Ропшин (Б.В. Савинков). «II. «Они приходят...», в составе цикла «Внутри круга» // Русское богатство. 1909. № 7. С.127–129).

7 Вера Глебовна Савинкова, урожденная Успенская (1877–1942) — жена Б.В. Савинкова (с 1899). В 1901–1903 г. вместе с мужем и двумя детьми жила в ссылке в Вологде. Их брак распался в 1908 г., после того как Савинков зимой 1907/1908 г. встретил свою вторую (гражданскую) жену — члена партии эсеров Евгению Ивановну Зильберберг (в первом браке: Сомова; во втором: княгиня Ширинская-Шихматова, 1883–1942).

8 Серафима Павловна Ремизова, урожденная Довгелло (1876–1943) — выпускница Бестужевских курсов, филолог-русист, специалист по палеографии древнерусских рукописей, жена А.М. Ремизова. В 1898 г. привлекалась к полицейскому дознанию в качестве обвиняемой по делу о «Петербургском кружке социалистов-революционеров». В 1900 г. была выслана на 3 года в Вологодскую губернию. В 1902–1903 гг. находилась в ссылке в г. Вологда, где познакомилась с Савинковым и его семьей.

3.

Б.В. Савинков — А.М. Ремизову

30.XII-07   1907 20.XII / 2.Г

Дорогой друг,

С радостью получил Ваше письмо.

Согласен с Вами, что и рассказы слабы, и путь неверен. Давно думаю, — пора возвращаться: к простоте, к ясным формам, может быть, к классикам. Только Бога ради, не о Кузмине...

Вы и ... Кузмин!..

Дела нет, кто он в жизни, но кто же он в литературе? «Крылья»? «Картонный домик»? Где простота? Где точность? Где развитие рассказа?

Я бы сказал: скучные претензии на что-то, а на что, — Бог ведает.

«Любовь этого лета»⁴ лучше, в ней бьется дарование, в рассказах ничто не бьется, — мутно.

Нет, не его Бог поцеловал в душу.

Пусть лучше учится у Вас.

В Вас верю. Верю, что сделаете еще свое и большое. Верю больше, чем в остальных, разве вот еще в С. Городецкого⁵, — этот — настоящий талант.

С «Рус<ской> Мыслью» подожду. Хочу разное и исправленное, что у Вас, прочитать З<инаиде>Н<иколаевне>⁶. Посмотрим, что скажет. Кажется, я буду приятелем Ваших приятелей. С<ерафима> П<авловна> порадуется. Не так ли, С<ерафима> П<авловна>?

Я потерял смысл. Вот отзывы об отрывках, что у Вас:

Брандес:⁷ 4   Павел:⁸ 2

Горнфельд:⁹ 5   Вы: 2

Мельшин (!!??)¹⁰ 5

Вам и Павлу верю больше.

До свидания, милый. С Новым годом Вас.

И для меня тоже Новый год.

С<ерафиму> П<авловну> — целую.

И Вас целую крепко, —

всегда Вас люблю.

Вам преданный <неразборчивая подпись-росчерк>¹¹

P.S. Напишите, как с Вашим театром¹².

Напишите подробно.

1 Помета Ремизова: дата получения письма.

2 «Крылья» (1906) — повесть М.А. Кузмина. Впервые опубли.: Весы. 1906. № 11. С. 1–81.

3 «Картонный домик» (1907) — повесть М.А. Кузмина. Впервые опубли.: Белые ночи. Петербургский альманах. СПб.: Изд. т-ва Вольная типография, 1907. С. 111–151.

4 «Любовь этого лета» (1907) — стихотворный цикл М.А. Кузмина. Впервые опубли.: Весы. 1907. № 3. С. 11–20.

5 *Городецкий Сергей Митрофанович* (1884–1967) — поэт, прозаик, переводчик, драматург. Его первая поэтическая книга «Ярь. Лирические и лиро-эпические стихотворения» (СПб.: Кружок молодых, 1907. 120 с.) была высоко оценена критиками и читателями.

6 В 1908 г. З.Н. Гиппиус содействовала развитию литературного таланта Б.В. Савинкова, который передал ей для критической оценки и правки рукописи своих созданных ранее прозаических и стихотворных произведений (см.: РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 237–243). Она читала и правила его тексты. См. письмо З.Н. Гиппиус (апрель 1908 г.) Б.В. Савинкову с оценкой его литературного дарования: «У меня такое мнение (приблизительно оно наше общее, трех) — что Вы очень хорошо можете, и будете писать, — очень хорошо. <...> Вы ищете *своего* стиля, кое-где находите, а кое-где впадаете в подражание... даже не Пушкинскому, а Ремизову... Довольно одного Ремизова, подражать ему просто не стоит» [24, с. 99].

7 *Брандес Георг Моррис Кохен* (Georg Morris Cohen Brandes, 1842–1927) — датский литературовед, публицист, литературный критик. Способствовал популяризации русской литературы в Западной Европе. Находился в контакте с общим знакомым Савинкова и Ремизова — датским писателем Оге Маделунгом.

8 *Павел Елисеевич Щеголев* (1877–1931) — историк литературы и русского революционного движения, друг Савинкова и Ремизова, их товарищ по Вологодской ссылке.

9 *Горнфельд Аркадий Георгиевич* (1867–1941) — литературный критик, публицист, журналист. С 1904 по 1918 г. — член редакции народнического журнала «Русское богатство», помощник В.Г. Короленко по отделу критики и беллетристики.

10 *Петр Филиппович Якубович* (псевдонимы: Л. Мельшин, Матвей Рамшев, П.Я., П.Ф. Гриневич, и др., 1860–1911) — революционер-народовец, поэт, переводчик, с 1904 г. — редактор отдела беллетристики в журнале «Русское богатство».

11 В письмах Б.В. Савинкова все неразборчивые подписи-росчерки не совпадают друг с другом.

12 Речь идет о перипетиях постановки пьесы А.М. Ремизова «Бесовское действо» (1907) на сцене театра В.Ф. Коммиссаржевской (реж. Ф.Ф. Коммиссаржевский, декорации М.В. Добужинского, музыка М.А. Кузмина). Премьера состоялась 4 декабря 1907 г. и сопровождалась неоднозначным скандальным резонансом со стороны зрителей, а также театральных рецензентов, чья реакция была зафиксирована в декабрьских газетах. Подробнее см.: [8, с. 734–756]. Возможно, вопрос Б.В. Савинкова связан с имевшей продолжение рецензией Г.И. Чулкова, который писал: «Цензура настолько искажила пьесу Алексея Ремизова, что пришлось вместе с афишами раздавать “Краткое изложение «Бесовского действия»” для зрителя по причинам могущей возникнуть независимо от автора неясности» (Ч. [Чулков Г.И.]. Театр В.Ф. Коммиссаржевской. «Бесовское действо над неким мужем, а также прение Живота со Смертию, представление для публики в 3 д., с прологом и эпилогом. Алексея Ремизова» // Товарищ. 1907. 6 дек. № 442. С. 5). Подобное заявление рецензента вызвало опровержение драматической цензуры (Товарищ. 1907. 11 дек. № 446. С. 5). С ее мнением не согласился рецензент (Г.И. Чулков) и автор пьесы, опубликовавшие свои ответы представителям цензуры (Ч. [Чулков Г.И.].

По поводу пьесы г. Ремизова // Товарищ. 1907. 12 дек. № 447. С. 5; Ремизов А. Письмо в редакцию // Товарищ. 1907. 12 дек. № 447. С. 5). О том, что эта история была известна в Париже, свидетельствует письмо Д.В. Философова Ремизову от 21 декабря 1907 / 3 января 1908 г.: «Читали мы в газетах о Вашем "Действе". Читали и письмо в редакцию "Товарища"» [21, с. 382].

4.

А.М. Ремизов — Б.В. Савинкову

1/14 марта 1908 года

Дорогой друг!

Не писал Вам, все откладывал, все ждал сообщить что-нибудь интересное, а ничего не было, кроме смешного и досадного. Хочется побывать в Ваших краях, а надежды все меньше. А, ведь, ждет же кто-то каждый день со всеми удобствами.

Вы меня простите за мое самовольное посвящение Вам «Часов»¹, которые скоро выйдут и будут у Вас.

Надписываю имя Ваше и инициалы фамилии, как Вы сами подписываетесь.

Подписался для Вас на «Весы».

Ваш № — 1479.

Из книг сейчас вышел Гойа (со стат<с>ей> А. Бенуа), очень неудачное издание, и «Царь-голод» Леонида Андреева².

Скоро ли пришлете написанное Вами?

Кланяемся В<ере> Г<лебовне>.

С<ерафима> П<авловна> кланяется.

А. Ремизов

---

¹ Первое издание романа «Часы» (Ремизов А. Часы. Роман. СПб.: EOS, 1908. 174 с.) вышло с посвящением «Борису С.».

² Андреев Л. Царь Голод. Представление в 5-ти картинах, с прологом. СПб.: Шиповник, 1908. 128 л.

5.

Б.В. Савинков — А.М. Ремизову

4/17 апрель <1908>

1908 7/20 IV¹

Дорогой друг,

собирался Вам писать, не собрался: многие со мной перемены случились.

Тяжко.

Спасибо за книги. Не забудьте, Христа ради, и впредь.

Читал «о табаке»², —

пришлите.

Пришлите и «Часы».

Пишу повесть с одобрения З<инаиды> Н<иколаевны>³. Да уж выйдет ли что, — не знаю. Пишу так, как Вы советовали: просто, без вывертов и о том, что хорошо знаю.

С Пасхою, с Светлым Воскресением Христа поздравляю, целую, С<е-рафиму> П<авловну> тоже целую.

У нас весна, без пальто хожу. А самочувствие ниже нуля. Гораздо ниже.

Черкните.

Ваш <неразборчивая подпись-росчерк>

---

¹ Помета Ремизова: дата получения письма.

² Речь идет об изд.: <Ремизов А.>. Что есть табак. Гоносиева повесть. СПб.: [Сириус], 1908. 34 с. Книга, опубликованная тиражом в 25 именных экземплярах, тем не менее вызвала значительную реакцию критики. Подробнее см. комментарий И.Ф. Даниловой [7, с. 677–683].

³ Имеется в виду работа над повестью (романом) «Конь бледный».

6.

А.М. Ремизов — Б.В. Савинкову

9/22 апр<еля> 1908

Дорогой друг!

Хотел гусиным пером написать Вам, да оно иступилось, и пишу простым; а гусиным очень богато выходит.

<3 строки густо заштрихованы, помета Ремизова:> Зачеркнул, потому что неясно вышло.

«Табак» имеется у Варяга¹, посмотрите пока у него. С «Табак» тоже история случилась², и пришлось приостановить его, как выражался когда-то Варяг.

«Часы» конфискованы, но ст<атья> 128 снята, и поставлена 1001, усмотрено скотоложество и какой-то редкий вид <:> изнашивание ~ описания³. Но, на самом деле, все это невинно, и палата, должно быть, снимет арест.

Пришлю при первой возможности.

А так я в шубе, все в той, в какой Вы меня видели, да весну не испугаешь, идет — —

Наш план ехать в Иерусалим⁴ к пустыне оказался неосуществимым: 600 р<у>б<лей> на 1 мес<яц>! А так как надежды нет, то мечтаем к Беломору поехать в Соловецкий⁵.

Пишите Вашу повесть.

С<ерафима> П<авловна> кланяется.

И христосуюсь

А. Ремизов

---

¹ Под прозвищем «Варяг» скрыто имя общего знакомого А.М. Ремизова и Б.В. Савинкова — датского писателя и коммерсанта Оге Маделунга (Aage Madelung, 1872–1949), с которым они познакомились во время нахождения в вологодской ссылке. В 1908 г. Маделунг так же, как и Савинков, находился в Париже. См. письмо Ремизова Маделунгу от 1/14 марта 1908 г.: «Очень хотелось бы увидеть Вас на французской земле, но так мало надежды, что удастся, разве чудо. <...> Сейчас вышла моя маленькая книжка о Табаке с тремя картинками Сомова. Напечатана она в количестве 25 экз. (именных). Один экз. принадлежит Вам и, получив мое письмо, известите открыткой Ваш теперешний адрес, по которому я немедленно ее пришлю Вам» [23, с. 45].

² Имеется в виду инцидент с отцом издателя повести А.М. Ремизова «Что есть табак», — сенатором Н.М. Тройницким, который был возмущен эротическим характером книги. См. изложение этой истории в книге А.М. Ремизова «Петербургский буерак»: «А когда прочитал книжку, свое сенаторское решение: “Все двадцать пять экземпляров отобрать и сжечь”. Уж ему и то и се — и “ограниченное” и “именное”, уперся старик: “Собери и сожги!” До слез пронял, и досадно. Много стоило трудов убедить сенатора в бесполезности сжигать. В конце концов сенатор согласился, но под условием: Тройницкий должен всех обойти “именных” и собственноручно бритвой выскоблить на последней странице “Тройницкого”. С.Н. Тройницкий исполнил сенаторский указ, но ходить с бритвой постеснялся, он был уверен, что каждый из нас исполнит его просьбу и имя Тройницкого испарится. Все мы, конечно, обещали» [31, с. 229]. Подробнее об истории повести «Что есть табак» см.: [6, с. 206–228].

³ После выхода в свет в апреле 1908 г. первого издания романа «Часы» на него был наложен арест с конфискацией по 128 статье Уголовного уложения о наказаниях. Статья 128: «Винный в оказании дерзостного неуважения Верховной Власти или в порицании установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола произнесением или чтением, публично,

речи или сочинения или распространением или публичным выставлением сочинения или изображения наказывается: ссылкой на поселение» (Новое уголовное уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд-е В.П. Анисимова, 1903. С. 53). Эта статья была изменена на 1001 статью: «Если кто-либо будет тайно от цензуры печатать или иным образом издавать в каком бы то ни было виде, или же распространять подлежащие цензурному рассмотрению сочинения, имеющие целью развращение нравов или явно противные нравственности и благопристойности и клонящиеся к сему соблазнительные изображения, тот подвергается за сие: денежному взысканию не свыше пятисот рублей или аресту на время от семи дней до трех месяцев. Все сочинения или изображения сего рода уничтожаются без всякого за оные вознаграждения» (Свод законов уголовных / сост. А.П. Саатчиан. СПб.: Кн. маг. «Законоведение», 1911. С. 245). См. текст дела, возбужденного против романа А.М. Ремизова «Часы» Главным управлением по делам печати: если «в общем содержании своем роман этот не заключает в себе признаков какого-либо караемого уголовными законами преступления, то в двух местах книги помещены: рассказ о скотоложестве с собакою (стр. 47–48) и сцена изнасилования девочки (стр. 162–163), которые изложены совершенно неприлично и дают основания, по мнению Комитета, к привлечению к судебной ответственности виновных в выпуске в свет этой книги по статье 1001 Улож. о наказ. изд. 1885 года» (ЦГАВПК и Б [ныне: РГИА. — А.Г.]. Дело 1 отд. Гл. упр. по делам печ. № 169, 1908 г. — Цит. по: [12, с. 314–315]. В итоге арест книги был отменен определением Санкт-Петербургского окружного суда. Подробнее см. комментарий И.Ф. Даниловой: [9, с. 465–469].

4 Ср. письмо Ремизова О. Маделунгу от 17 (30) марта 1908 г.: «Мечтал ехать в Иерусалим и прожить там месяц, но это, оказалось, стоит 600 руб., а мне сказали 25 руб.» [23, с. 46].

5 Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь — ставропигиальный мужской монастырь (основан в 1420–1430-х гг.), расположенный на Соловецком острове в Белом море.

7.

А.М. Ремизов — Б.В. Савинкову

Дорогой Борис Викторович

ждем Вас в пятницу 18-го в 9-ть

<подпись-анаграмма>

17.I.24

На Вашу книгу берегу рецензию одной малявки¹ из «Дней» и книгу принесите!

¹ Имеется в виду рец.: Даманская А. В. Ропшин. Конь вороной. Париж, 1924 // Дни (Берлин). 1924. № 359. 13 янв. С. 8. Рецензентка негативно отозвалась о повести В. Ропшина (Б. Савинкова): «Не сумел В. Ропшин промолчать и рассказал о таком страшном не глаголом, жгущим сердца людей, а по-епиходовски» (Там же). Реакция Савинкова на отзыв Даманской отражена в его письме А.В. Амфитеатрову от 26 января 1924 г.: «Моему “Коню Вороному” не везет: на чем свет стоит обругала Даманская» [13, с. 124]. См. также его письмо А.В. Амфитеатрову от 7 февраля 1924 г.: «А Даманская-то — эсерка, строчит у Керенского! Отзывы собирал для меня Ремизов» [13, с. 129].

8.

А.М. Ремизов — Б.В. Савинкову

<открытка>

Monsieur B. Savinkov

32 Rue de Lubeck

XVIe

<14 марта 1924>¹

Дорогой Борис Викторович

Приходите завтра в субботу 15-го часов в 9^h.

У Серафимы Павловны особенный <1 слово обрезано вместе с маркой>.

120bis Av<enue> Mozart²

5 Villa Flore

XVIe

Рафалович³ взялся передать адрес,

я не виновен

<подпись-анаграмма>

---

¹ Датировка на основании контекста письма. В 1924 г. суббота приходилась на 15 марта.

² Ремизовы жили по этому адресу с 1924 по 1928 г.

³ *Рафалович Сергей Львович* (1875–1944) — поэт, драматург. С 1922 г. — в эмиграции (1922, 1924–1944 — Франция, Париж; 1923 — Берлин).

9.

Б.В. Савинков — А.М. Ремизову

<открытка с видом: Roma, Piazza delle Terme >

13.VI 1924

32 Rue de Lubec, XVI

В воскресенье не могу, в понедельник не могу. Очень об этом жалею. Если не уеду, постараюсь на будущей неделе. Тогда напишу. Цалую ренчки¹.

---

¹ *Całuj rączki* (польск.) — целую руки.

II.

А.М. Ремизов

САВИНКОВ

[*Борис Викторович Савинков 19 I 1879 — 7 V 1925*]

Мы были в Café с музыкой (Rue d'Auteuil), он нас провожал; на углу Villa Flore я споткнулась и упала, он помог встать. Я подумала: «Это нехороший знак, что я упала». Больше я его не видела. А в тот вечер он упрекал нас, что к нему не пришли, когда было плохо.

«Я знаю, что значит голод, — сказал он, — и нищий нищему должен помогать».

Да он был тогда нищий.

- - -

1925

Paris

БОРИС ВИКТОРОВИЧ САВИНКОВ

1879–1925

Я не литератор и не хотела, и не хочу быть литератором, никогда у меня не было, и нет этого зуда — увидеть напечатанным, опубликовать то, что думаешь и чувствуешь. И если теперь пишу, то только потому, что думаю всенародно покаяться.

Когда-то давно, в Вологде, (1902–3) Б.В. Савинков сидел у меня в моей маленькой комнате [*на Желвунцовской*]. Было грустно, хотя впереди было столько радости и надежд. Б<орис> В<икторович> сказал: «Я знаю, что бы со мной ни случилось, Вы не поверите слухам и придете ко мне в отверженности, как к П.Е. Щеголеву [*† 1931*] придете в тюрьму, когда его посадят за долги».

Да, я так сама думала. И вот отреклась.

Помню еще наше последнее свидание с Б.В. Савинковым в июне 1924 в Париже. Мы сидели в Café [*Rue d'Auteuil*], играла музыка. Тогда уже почти все бросали грязью в Савинкова, и он, когда приходил к нам [*5, Villa Flore*], просил устроить так, чтобы он не мог ни с кем встретиться. Это был другой Савинков, не тот, который сидел в моей комнате в Вологде, это был измученный, бедный, нищий Савинков, но главное — было тоже — это был аристократ, русский, это был «аристократ», не «мещанин», несмотря на свою нищету. На душе у него было то же горе, что и у меня, горе за Россию.

И было так: как дальше жить? О, мне легко было, я могу жить и даже люблю жить в одиночестве, не «на арене общественности». А ему непременно дело нужно, и такое, чтобы он был первым, и на душе много лежит жизней, погибших из-за него. Я сказала: «Надо всенародно покаяться, и жизнь изменить — в тихость войти».

А он после нескольких часов: «Да, или под расстрел, или Вы правы, но каяться-то всенародно мне пришлось».

Надо сказать, что Б<орис> В<икторович> меня в свои планы политические не посвящал, у нас отношения были вне этих планов, над ними. Хотя до нашей встречи в Париже я всегда думала, что, если кто может побороть большевиков, то именно Савинков.

Это было последнее наше свидание. После него еще было одно письмо [13 июня 1924]. Больше ничего.

И вот в Карлсбаде я прочитала о его переходе к большевикам; был там только «Руль» — Боже мой, что писалось! Но я не верила, я все сама решала, хотела понять, что это такое. Я весь суд прочитала, я все представила: тут было и всенародное покаяние, и жажда унижить себя, и сплошная ложь со стороны большевиков. Я три недели, все свое пребывание в Карлсбаде, не спала ни одной ночи, я не находила себе покоя. Но я не отреклась тогда от Б<ориса> В<икторовича>, я страдала за него, значит, любила! И только после письма, которое опубликовал Д.В. Философов [†1940], письма Савинкова к нему и его к Савинкову, я отреклась от Савинкова. Я его стала в душе своей звать изменником и предателем. И в этом я каюсь пред всеми. О, я Философова не обвиняю больше чем самое себя — не все ли равно часом раньше или часом позже отречься от человека.

После статьи Мягкова я все сразу поняла: да, это была последняя попытка сделать, спасти Россию; в себя он верил, и весь был не свой, а России. Эти чекисты, которые его предали, они же его уговорили сыграть комедию, чтобы народ пошел за ним, когда его освободят. Да, да, это было так в этом роде. И он сыграл комедию. И вот я скажу: если бы большевики были не так умны, (они ведь умны и лживы, как их отец Дьявол), и Савинков был бы на свободе, да, это был бы Наполеон. Ведь срывается всегда на мелочи (а тут и не мелочь), и если бы ему удалось, и ему простили бы все, так всегда бывает. Ну а я теперь ему прощаю, теперь, когда он погиб. Как не ясно, что то, что

было с Савинковым, и его уход, и его одиночество, и его гибель, — все это еще ждет Шекспира.

Я видела Савинкова здесь нищего, одинокого, оклеветанного, но «аристократа». А много ли «аристократов»? Я совсем не знаю дел его политических, но я его лицо знаю. И когда многочисленные обвинители мне о нем говорили и то, и сё, эти обвинения отлетали от меня, на этом пути все делают то же. Путь этот я отрицаю, и самого Савинкова по-прежнему ставлю над людьми. И несколько раз мужчины среди обвинений указывали мне, что несколько женщин покончили с собою из-за Савинкова. Не касаясь того, что такие вещи слишком интимны, чтобы о них говорить сплеча, не касаясь того, правда это или нет, мне всякий раз хотелось сказать такого рода обвинителям: да кто же из-за вас-то покончил с собою, вас так много, и отличаетесь вы друг от друга носами, ушами и т. д., в этом и невинность ваша. А поищите второго Бориса Викторовича Савинкова.

[Последнее письмо Савинкова — открытка, Roma, Piazza delle Terme, 13.VI 1924, 32 Rue de Lubec, XVI — «В воскресенье не могу, в понедельник не могу. Очень об этом жалею. Если не уеду, постараюсь на будущей неделе. Тогда напишу. Цалуе ренчки» (Б<орис> В<икторович> по-польски говорил, по-жалуй, лучше, чем по-русски, учился в Варшавской гимназии). В альбом С<ерафиме> П<авловн>е он написал стихи, 24.II.1924, Paris:

*Как невысохшие слезы / Звезды ясные сияют, / Анемоны и мимозы /
Пыль росистую роняют. / Не трепещет лист магнолий, / Не журчит вода
в колодце, / А мне снится: вечер, поле, / У околицы болотце, / Пьяный запах
ржи и мяты, / Темный зов лесной кукушки... / И исплаканы, и смяты / Все
углы моей подушки.*

- - -

С<ерафима> П<авловна> пожалела Б<ориса> В<икторовича> и потому вообразила себе его «лицо», наделив тем, чего у него уже не было: я не говорю, конечно, никакого мещанства, но чтобы что-то совершить — стать Наполеоном — он никак не мог. Это был камень — выветрившийся камень. Он уже не говорил, как когда-то в Вологде, а как-то приглушенно «конспиративно» рассказывал случаи из своих походов: если записать, при чтении будет однообразно. И уж без вина не мог, он приносил Порто — так только и оживлялся. «Организация убийств высокопоставленных лиц» — вот его специальность, не могу себе представить, и, должно быть, поэтому я и разго-

варивал с ним точно через перегородку, литература его, конечно, интересовала, но это было у него второе, своего стиля у него не могло быть, З.Н. Гиппиус может назвать его своим учеником, но сама Зинаида Николаевна в прозе бесцветна. Большевики преувеличили его силу, не по жалости, конечно, а по «традиции» — по славе-молве. Если бы ему дали власть, все равно, опасности никакой — выветрившийся камень.

О Савинкове мое: «Последние Новости», № 4008, 13.III. 1932, Paris; «Северные Афины» — «Современные Записки», 1927, XXX, Paris. — все входит в мою книгу «Третья стража», как приложение. Есть еще в «Розановых письмах», Берлин, 1923 [9 XII. 1906, Пб.] и в «России в письменах», Берлин, 1922, т. I.

По газетам Савинков кончил самоубийством 7.V. 1925 — 7.V. я видел его во сне: пришел к нам в летнем белом костюме. А видеть вообще Савинкова во сне, по моим наблюдениям, всегда к «скандалу».

В 1913 г. мне приснился Савинков, этот сон я запомнил весь.

«Вернулся тайно в Россию Савинков. И когда это стало известно, говорят мне: “Есть единственный способ поступить с ним по-дружески: он у Вас сейчас, идите и застрелите его сонного, иначе все равно его повесят”. Я взял револьвер и действительно нашел Савинкова в моей комнате: лежит на диване, спит. Но тут я заметил, что я совсем не одет, в одной сорочке. “Неловко, думаю, так, ведь когда я его застрелю, подымется суматоха, придет полиция протокол составлять, а я в таком виде, нагишом!” И начинаю одеваться. И пока я застегивался, Савинков проснулся, увидел меня и обрадовался: “Как хорошо, говорит, что Вы пришли и с револьвером: теперь можно будет убежать. Побегимте вместе!” А я молчу. “Как же это так, думаю, я должен застрелить его и это будет самое дружеское, что я могу сделать для него, а он: “Побегимте!” И это мне — бежать? И куда? Да такой жизнью я не могу жить, как он!” И говорю ему: “Давайте вместе застрелимся”. А он головой так: не хочет. “Ну, думаю, застрелить-то его я теперь никак не могу, рука не подымется, это не то, что сонного. И уж лучше я сам”. И бросив револьвер, я твердо подошел к окну, стал на подоконник, и, нагибаясь все ниже и ниже, сорвался и полетел вниз. Головой.» **А.Р.**]

Список литературы**Исследования**

- 1 *Гончарова Е.И.* Савинков Борис Викторович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия. 2007. Т. 5: П–С. С. 432–435.
- 2 *Городницкий Р.А.* В. Ропшин versus Иванов-Разумник // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре / ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб.: Глаголь, 1996. С. 72–78.
- 3 *Грачева А.М.* «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» М. Сервантеса и романские эксперименты А. Ремизова («Учитель музыки») // *Грачева А.М.* Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 140–151.
- 4 *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Леонид Андреев (введение к теме) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 41–52.
- 5 *Грачева А.М.* Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. СПб.; М.: Феникс-Atheneum, 1993. Вып. 3. С. 419–447.
- 6 *Данилова И.* Литературная сказка А.М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki: Helsinki University Print, 2010. 271 с. (Slavica Helsingiensia. 39).
- 7 *Данилова И.Ф.* <Комментарий к повести «Что есть табак»> // *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2000. Т. 2: Докука и балагурье. С. 677–683.
- 8 *Данилова И.Ф.* <Комментарий к пьесе «Бесовское действо»> // *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2016. Т. 12: Русалия. С. 734–756.
- 9 *Данилова И.Ф.* <Комментарий к роману «Часы»> // *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2001. Т. 4: Плачужная канава. С. 465–469.
- 10 *Ерофеев Н.* Савинков Борис Викторович // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 543–545.
- 11 *Пахмусс Т.А.* Борис Савинков в жизни Зинаиды Гиппиус // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология / Ежегодник 1997. М.: Наука, 1998. С. 102–115.
- 12 *Цехновицер О.В.* Символизм и цензура // Уч. зап. ЛГУ. № 76. Серия филологических наук. Вып. 11. Л.: Изд-е ЛГУ, 1941. С. 275–319.

Источники

- 13 Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 / публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1993. Вып. 13. С. 73–158.
- 14 *Борис С<авинков>.* На главной гауптвахте // Русское богатство. 1907. № 4. С. 1–18.
- 15 *В. Канин [Савинков Б.В.].* Ночь // Курьер. 1902. № 245. 5 сент.

- 16 *В. Ропшин [Савинков Б.В.]* Письмо И.И. Краевскому. 13 июня 1913 г. / публ. В.Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре / ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб.: Глаголь, 1996. С. 79–80.
- 17 *В. Ропшин [Савинков Б.В.]*. Внутри круга // Русское богатство. 1909. № 7. С. 125–129.
- 18 *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 309 с.
- 19 *Иванов-Разумник Р.В.* Литература и общественность. Было или не было? (О романе В. Ропшина) // Заветы. 1913. № 4. Отд. II. С. 134–149.
- 20 *Николай Молдаванов [Ремизов А.М.]*. Эпиталама (Плач девушки перед замужеством) // Курьер. 1902. № 248. 8 сент.
- 21 Переписка А.М. Ремизова и Д.В. Философова / публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 366–422.
- 22 Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Наука, 1998. С. 121–177.
- 23 Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / сост., подгот. текста, предисл. и прим. П. Альберга Енсена и П.У. Мёллера. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. 80 с.
- 24 «Революционное христовство». Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 447 с.
- 25 *Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / подгот. текста, вступ. ст., аннот. имен. указ. А.М. Грачевой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 271 с.
- 26 *Ремизов А. Савинков* // Последние новости (Париж). 1932. № 4008. 13 марта. С. 2–3.
- 27 *Ремизов А. Савинков* // Слово (Рига). 1925. № 1. 11 ноября. С. 3.
- 28 *Ремизов А.М.* Дневник 1917–1921 гг. // *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 423–533.
- 29 *Ремизов А.М.* Иверень // *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2000. Т. 8: Подстриженными глазами; Иверень. С. 261–511.
- 30 *Ремизов А.М.* На вечерней заре / подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. № 3. С. 143–190.
- 31 *Ремизов А.М.* Петербургский буерак // *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 173–414.
- 32 *Ремизов А.М.* Учитель музыки // *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.: Русская книга, 2002. Т. 9: Учитель музыки. 511 с.

- 33 Савинков Б. Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной. М.: [б. и.], 1990. 431 с.
- 34 *Сервантес Сааведра М. де*. Хитроумный идалго дон Кихот Ламанчский: [роман: в 2 кн.] / пер. <Г.Л. Лозинского и К.В. Мочульского>; вступ. ст. Б.А. Кржевского и А.А. Смирнова; введение П.И. Новицкого. М.; Л.: Academia, 1932. Кн. 1. 845 с.; Кн. 2. 910 с.

References

- 1 Goncharova, E.I. "Savinkov Boris Viktorovich" ["Savinkov Boris Viktorovich"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 5: P–S. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 432–435. (In Russ.)
- 2 Gorodnitskii, R.A. "V. Ropshin versus Ivanov-Razumnik" ["V. Ropshin versus Ivanov-Razumnik"]. Belous, V.G., editor. *Ivanov-Razumnik. Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture* [*Ivanov-Razumnik. Personality. Work. The Role in Culture*]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1996, pp. 72–78. (In Russ.)
- 3 Gracheva, A.M. "Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii' M. Servantesa i romannye eksperimenty A. Remizova ('Uchitel' muzyki')" [*The Cunning Hidalgo Don Quixote of La Mancha by M. Cervantes and Remizov's Experiments with the Novel ('The Music Teacher')*]. *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseia Remizova (1910–1950-e gody)* [*The Genre of the Novel and the Work of Aleksey Remizov (1910–1950s)*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010, pp. 140–151. (In Russ.)
- 4 Gracheva, A.M. "Aleksey Remizov i Leonid Andreev (vvedenie k teme)". ["Alexey Remizov and Leonid Andreev (Introduction to the Subject)"]. *Aleksei Remizov. Issledovaniia i materialy* [*Alexey Remizov. Research and materials*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1994, pp. 41–52. (In Russ.)
- 5 Gracheva, A.M. "Revoliutsioner Aleksei Remizov: mif i real'nost'". ["Revolutionary Aleksey Remizov: Myth and Reality"]. *Litsa. Biografich. al'manakh* [*Faces. Biographical Almanac*], issue 3. St. Petersburg, Moscow, Feniks-Atheneum Publ., 1993, pp. 419–447. (In Russ.)
- 6 Danilova, I. *Literaturnaia skazka A.M. Remizova (1900–1920-e gody)*. [*Literary Tale by A.M. Remizov (1900–1920s)*]. Helsinki, Helsinki University Print, 2010. 271 p. (Slavica Helsingiensia. 39). (In Russ.)
- 7 Danilova, I.F. "<Kommentarii k povesti 'Chto est' tabak'>" ["Commentary on the Story *What is Tobacco*"]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 2: Dokuka i balagur'e [Dokuka and Joke]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000, pp. 677–683. (In Russ.)

- 8 Danilova, I.F. “<Kommentarii k p’ese ‘Besovskoe deistvo’>” [“Commentary on the Play *Demonic Action*”]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 12: Rusaliia [Rusalia]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 734–756. (In Russ.)
- 9 Danilova, I.F. “<Kommentarii k romanu ‘Chasy’>” [“Commentary on the Novel *The Clock*”]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 4: Plachuzhnaia kanava [Weeping Ditch]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2001, pp. 465–469. (In Russ.)
- 10 Erofeev, N. “Savinkov Boric Viktorovich” [“Savinkov Boric Viktorovich”]. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaiia tret’ XX veka. Entsiklopediia* [Political Parties of Russia. The End of the 19th – the first third of 20th Century. Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, pp. 543–545. (In Russ.)
- 11 Pakhmuss, T.A. “Boris Savinkov v zhizni Zinaidy Gippius” [“Boris Savinkov in the Life of Zinaida Gippius”]. *Pamiatniki kul’tury. Novye otkrytiia. Pis’mennost’. Iskusstvo. Arkheologiia, Ezhegodnik 1997* [Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archeology / Yearbook 1997]. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 102–115. (In Russ.)
- 12 Tsekhnovitser, O.V. “Simvolizm i tsenzura” [“Symbolism and Censorship”]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of LSU], no. 76. Serii filologicheskikh nauk. Issue 11. Leningrad, Izdatel’stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1941, pp. 275–319. (In Russ.)